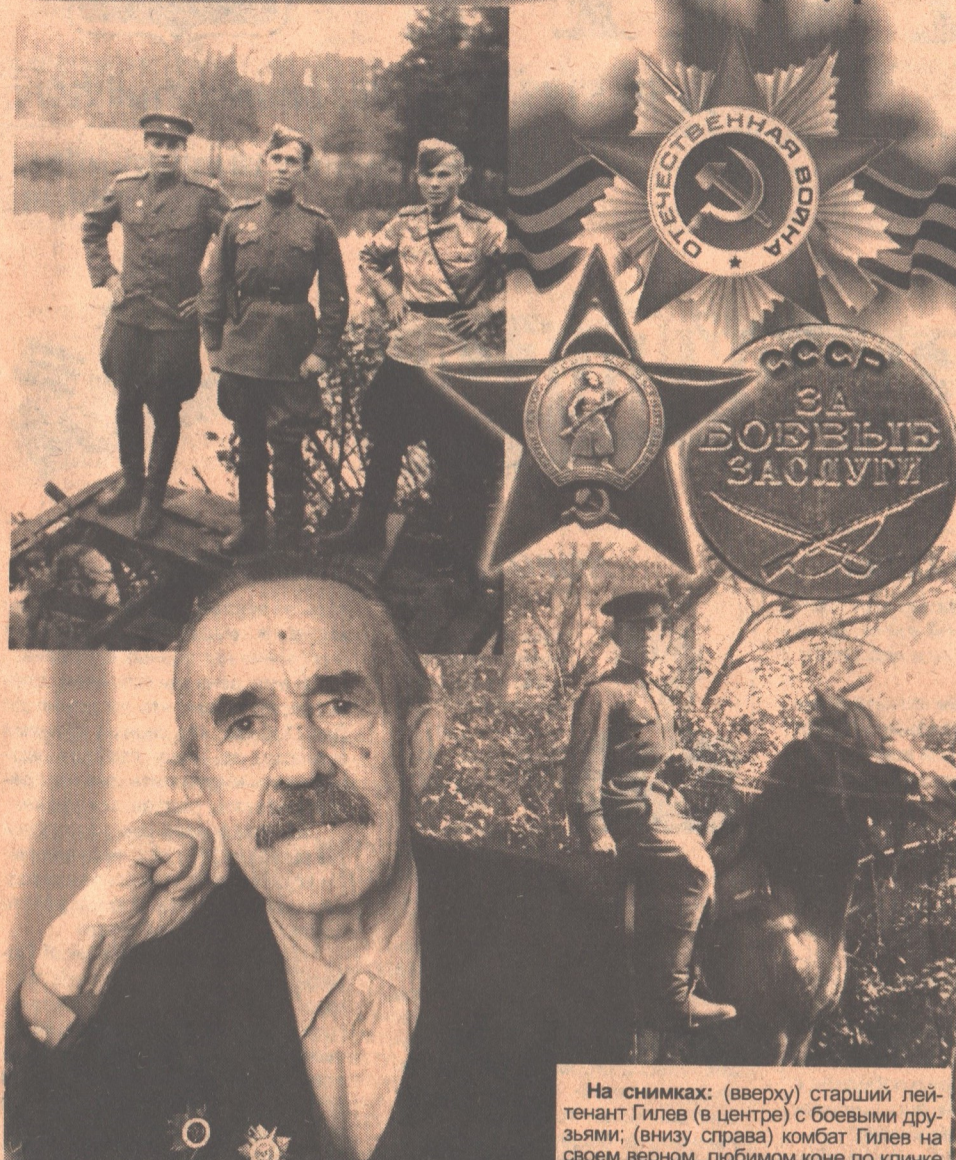

Вспомни, товарищ!

Дороги комбата Гилева

Из фронтового «дневника» боевого офицера

На снимках: (вверху) старший лейтенант Гилев (в центре) с боевыми друзьями; (внизу справа) комбат Гилев на своем верном, любимом коне по кличке

Получили направление — на освобождение Харькова. Н. С. Хрущев настоял на освобождении Харькова в 1943 году, но силы были не равные. Город освободили, а удержать не смогли.

Мы в Харькове пробыли лишь сутки, встречало население нас исключительно тепло, несли кто что мог — покушать, вещи, самогонку. Солдат «растаскивали» по квартирам. Я пошел проверять, где разместились мои люди. Гляжу, масса народу собралась. Шумят. Я подхожу. Сразу ко мне обращаются: «Разрешите нам их прикончить!», — показывают на двух человек, окруженных толпой. «А за что вы их хотите убить?» — «Они полицаи, они издевались над нами во время оккупации». Что мог я сказать людям, пережившим муки фашистского гнета, потерявшим от рук полицаяв своих близких?.. «Ваша воля». Тут же с этими предателями было покончено.

Там было большое количество наших военнопленных — был концлагерь. Когда мы их освободили, они были чуть живые — одни косточки. Забили их немцы в доску. Когда открыли какой-то склад, они набросились, хватали какое-то зерно, крупу горстями, пытались есть. Но мы им вовремя запретили это делать, иначе бы все поумирали. Их эвакуировали в тыл по сохранившейся железной дороге.

Там на Черной горе мы ночевали только одну ночь. Нас немец из Харькова выжил — утром такая бомбежка была... Мы мимо парка Горького проехали на Золочев. С Золочева — на Грайворон. В Грайвороне были недолго, сказали, ехать надо на Богодухов. Вот туда и направились. Двигались не быстро — на конной тяге же. Немного не доехали до населенного пункта Берданы-Иваны, как налетели немецкие самолеты, стали бомбить. Сначала появилась пара и прощлась поперек нашей колонны, а потом начали утюжить вдоль. Много побили и людей, и лошадей. Во время этой бомбежки я был тяжело ранен в пах с раздроблением тазовой кости. Сразу боль как-то не так сильно ощущалась. Но из-за потери крови стал терять сознание. Меня солдаты на повозку — и в первую хату в Берданы-Иваны. Только через три дня приехали за мной из госпиталя. Сначала лечили в Грайвороне, а потом перевели в Белгород. Размещался он в школе и был переполнен ранеными, многие из них лежали во дворе на соломе.

Через какое-то время, после того, как город подвергся массовой бомбежке, мы с товарищем, недопеченные, пошли пешком в направлении Сорочей. Нас подобрала санитарная машина. И снова забитый госпиталь в школе в небольшом городке...

Когда рана поджила и дело пошло на поправку, я оставил госпиталь и отправился на станцию Лиски, где мне подсказали, как найти штаб фронта. Прихожу. На мне гимнастерка военная, ботики

Жизнь прожитая не зря

На сегодня Никанор Иванович Бадулин, пожалуй, единственный в городе ветеран Великой Отечественной войны, который воевал под Москвой, защищал Сталинград и участвовал в битве на Курской дуге.

Пройдя войну с самого начала, лейтенант контрразведки Н. И. Бадулин за ратные подвиги получил орден Красной Звезды за Сталинград, второй — за бои в районе деревни Прохоровка на Курской дуге, а также медали «За оборону Москвы» и «За боевые заслуги».

В июле этого года Никанору Ивановичу исполнится 93 года. Во время нашей встречи в своих рассказах он был предельно краток, хотя воспоминания о страшных днях войны не покидают его до сих пор. Чувствовалось, говорить ему в преддверии юбилея Великой Победы об этом тяжело.

- Жил я в поселке Спасск, что под Таштаголом. Юношей уехал в Сталинск и стал работать на КМК слесарем по оборудованию. Наша бригада обслуживала централизованную лабораторию, которая работала в Сталинске.

Альфа, с которым он прошел от Украины до Праги; Иван Иосифович Гилев сегодня; его фронтовые награды.

«Знаний о войне у вас хватает. Но вот атмосфера времени - это та тонкость, которую невозможно постичь логически. Это постигается шкурой. Кровью. Жизнью.»

В. Быков «Карьер».

Нет лучше и ценнее свидетельств истории, чем живые, не «вылизанные» литературными стилистами воспоминания непосредственных участников событий. Сегодня мы начинаем публикацию (с минимальной правкой, дабы сохранить «ощущение эпохи») как раз таких воспоминаний боевого офицера – артиллериста – ныне здравствующего нашего земляка Ивана Иосифовича Гилева, за ратный подвиг награжденного орденом Отечественной войны первой степени, орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги» и многими другими наградами, трижды раненого, но выжившего в аду страшной войны.

Предлагаемые читателям фрагменты его рассказа больше похожи на дневниковые записи, ибо память ветерана, несмотря на почтенный возраст, удивительно свежо и детально хранит многие эпизоды прошлого.

В год юбилея Победы, а точнее 12 сентября 2010 г., Иван Иосифович отметит и личный свой юбилей – 90 лет со дня рождения. Более 50-ти из них отдал И. И. Гилев труду в нашем городе, но об этом мы расскажем в конце повествования. Потому что раньше в его жизни была война...

«Родился я 12 сентября 1920 года в селе Каракан в Алтайском крае. Там закончил 7 классов. В Кузнецово поступил в педучилище. Проучился два года и в 1937-м вернулся в свой Солтонский район к родителям. До войны успел поработать учителем в нескольких школах. Молодой, холостой, вот и посылали туда, где не хватало кадров. Последней была школа в Быстром Черняе.

Из Быстрого Черняя в 41-м призвали в Красную Армию. Уже шла война. В военкомат опоздали – повестка пришла в «последний момент», и пока день с товарищем, тоже учителем, добирался 50 км по сельским «ландшафтам» на перекладных, нашу команду, набранную для подготовки военспецов в военном училище, отправили по месту обучения. А нас, опоздавших, отчитали и отправили рядовыми в артбатарею 120-мм минометов. Там я пробыл недолго, но там, по сути, решилась моя фронтовая судьба – ею стали 120-миллиметровые минометы...

Начальник команды готовит данные по карте. Я, новобранец, присматриваюсь, что он делает. Вижу, дело знакомое, мы в Кузнецово в училище топокарты изучали, подготовкой данных тоже занимались. Прошу: «Разрешите мне подготовить данные». – «А ты соображаешь?» Он спрашивает, а я уже знаю, что надо, что сделать. Он три цели наметил, я взял линейку, подготовил данные, говорю: «Пожалуйста». – «Ты уже сделал?!» – «Да. Так точно». – «Надо же, все правильно! Слушай, ты в военное училище не желаешь поехать?» – «Если есть такая возможность, почему не поехать?» – «Тогда я буду ходатайствовать о твоём направлении».

Так я оказался в Лепельском военно-минометном училище. Там председатель военно-мандатной комиссии, услышав мою фамилию, вдруг спросил: «Ты откуда, молодой человек? С Солтонского района? Не сын ли Гилева Иосифа Михайловича?» – «Так точно». – «Вот где земля-

ка встретил! Решил стать офицером? Правильно!»... В общем, в училище приняли.

Обучение шло по ускоренной программе. Война! Занимались по 12 часов. Бумаги не хватало, писали, на чем придется. «Свободное время» – только на сон. А еще за лошадьми нужно было ухаживать с 5 утра. Ведь минометы транспортировались на конной тяге. Учились около полугода, и по окончании мне присвоили звание лейтенанта и отправили на фронт.

Вначале попал я в запасной полк, где мы, офицеры, готовили маршевые роты и где командиром был brave подполковник по фамилии Потупчик. Там пробыл недолго – приехали «сваты» из других частей, предлагали пойти в реактивную артиллерию, но я отказался, выбрал свои «родные» 120-мм минометы. Попал в резервный полк. Приехал туда, а там никого и не было, полк еще формировался, народ собирали. Меня назначили заместителем командира батареи.

И вот фронт. Небольшой городишко в Воронежской области... Заняли боевой порядок для артподготовки. Открыли по этому городу огонь. Немцы город бросили, отступили.

Там склады были немецкие и венгерские. Чего там только не было! Как только фашисты ушли, оголодавшее мирное население кинулось разбирать продукты и вещи. Мы тоже пополнили свои запасы, а главное – набрали себе массу нового натального белья. Не открою секрета, если скажу, что вши на фронте солдат заедали, а тут белое трикотажное белье. Надел обновки, но не долго радовался. Чувствую, через некоторое время опять шевелятся... Один боец догадался сделать из большой бочки «вошепарку» – вставили туда деревянные колосники, на них клали одежду, снизу кипела вода, и белье пропаривалось. Это очень помогло – избавились от паразитов. А то ведь донимали не хуже фрицев...

гражданские, вместо обмоток, которые я терпеть не мог, – ботинки... Подполковник какой-то спрашивает: «Ты откуда, батенька, пришел?» – «Да вот из госпиталя...». – «Ага, видать по тебе. Иди-ка на склад, отдашь там вот эту записку, получишь обмундирование». Выдали форму из «чш» (чистая шерсть), хромовые сапоги, которые я за всю войну ни разу не получал, в общем, все вплоть до подворотничка! Я умылся, побрился, подделался, подшил подворотничок. Прихожу к подполковнику. Тот: «Ну вот, совсем другое дело, товарищ старший лейтенант. Куда намерен отправиться?» – «Я минометчик, в такую часть и хотел бы». Предложили должность командира батареи.

И снова резервный полк главного командования, снова укомплектование подразделений части бойцами и техникой...

А затем опять фронт. Весной 1944 года вышли к румынской границе...

Здесь мы прервем ненадолго воспоминания фронтовика, чтобы дополнить их выдержкой из книги «Освобождение Юго-Восточной и Центральной Европы войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов 1944-1945» (Издательство «Наука», Москва, 1970). Итак, что же происходило на этих рубежах?

«Неудержимо и мощно катился вал нашего наступления на южном фланге советско-германского фронта, – пишут авторы книги. – Вперед, не так уж далеко, находилась государственная граница, и страстное чувство безостановочного движения к ней владело каждым воином. В те памятные дни не было популярнее слов, чем слова, разносившиеся из конца в конец обширного фронта и завовавшие свершение подвигов: «Граница близко. Вперед, к границе! А ну, поддай!». Героизм был явлением обычным и массовым.

И вот она, река Прут, охваченная буйным весенним половодьем!

– Здравствуй, родной рубеж!

Так говорили воины 2-го Украинского фронта, первыми вышедшие 26 марта 1944 г. на государственную границу Отчизны. Они остановились в радостном волнении и пристально смотрели вдаль, туда, где в синеватой дымке виднелись Карпатские горы, где теперь предстояло драться. Никто не обращал внимания на минометный обстрел с противоположного берега. Восторгу воинов не было предела, они, как по команде, сняли шапки-ушанки, подбрасывали их над собой, обнимали друг друга, повторяли одно и то же слово: «Дошли!». Раскатыстое многоголосое «ура» далеко слышалось вокруг. Здесь, на берегах Прута, на первых километрах государственной границы по-особому ощущалось все величие подвига советского народа и армии. И в неизбежности поражения фашистских войск уже никто не сомневался. Бойцы говорили: раз не удержались за гриву, не удержатся и за хвост!»

(Продолжение в следующем номере)

Подготовил В. БАСОВ.
Фотомонтаж Н. СИМОНОВА.

наблюдателями, обеспечивавшими рельсы на прочность. Делалось это так: копром поднимали рельс, потом резко отпускали, затем линейкой измеряли рельс на прогиб.

В 1937 году забрали в армию. Служил на Дальнем Востоке в Еврейской автономной области в селе Новом, что на реке Амур. Граница была рядом, и наша часть находилась в постоянном напряжении. Через два с половиной года демобилизовался, и мы с друзьями – Винтовкиным и Луговым поехали домой. На станции «Чита-1», выйдя на перрон, встретили вербовщика – капитана железнодорожных войск. Немного подумав, мы все трое согласились с его предложением и до начала войны сопровождали вагоны с ценными грузами на перегонах от станции до станции, охраняли объекты стратегического назначения.

Как только началась война, я в составе сформированной на станции «Чита-2» 116-й стрелковой дивизии поехал на фронт. В ней и провела всю войну. Дивизия участвовала в битве под Москвой, затем была брошена на освобождение Смоленска и других городов.

Потом громили армию Паулюса под Сталинградом и я, уже имея звание лейтенанта, был свидетелем пленения этого знаменитого неудачливого немецкого военачальника.

Затем кровопролитные бои на Курской дуге, освобождение Харькова... Пройдя всю Украину, дивизия вышла на город Бельцы в Молдавии. В это время я уже служил командиром взвода отряда контрразведки (СМЕРШ).

Получил контузию, лечился в госпитале. Окончание войны встретил в городе Бреслау. Казалось бы, война закончилась. Но только не для нашей дивизии. Нас отправили в Западную Украину на борьбу с недобитыми бендеровцами.

Вновь получил ранение. После лечения во Львове отправился в краткосрочный отпуск к родителям в Спасск. Там в сельском клубе встретил свою ненаглядную – красавицу Тоню. Парень я был решительный и через два дня сделал ей предложение.

После войны работал на Таштагольском руднике командиром горноспасательного отряда, а Антонина учительствовала. С 1974 года живем в Мысках.

5 октября этого года будет 65 лет, как мы живем вместе. Вырастили дочь и двух сыновей. У нас шесть внуков, десять правнуков.

Всю жизнь мы трудились, воевали, и хочу сказать, что жизнь протита не зря.

Поздравляю ветеранов войны и тружеников тыла с праздником! И желаю всем здоровья!

Записал А. КОМАРОВ.

Вспомни, товарищ!

Дороги комбата Гилева

Из фронтового «дневника» боевого офицера

«Знаний о войне у вас хватает. Но вот атмосфера времени — это та тонкость, которую невозможно постичь логически. Это постигается кожей. Кровью. Жизнью.»

В. Быков «Карьер».

В прошлом номере мы начали публикацию воспоминаний ветерана Великой Отечественной войны Ивана Иосифовича Гилева о его фронтовом пути. Напомним нашим читателям, что тогда мы «оставили» комбата Гилева и его минометную батарею у берегов реки Прут на границе с Румынией. Бойцы достигли рубежей Родины! Как и сегодня, был май. Но — 1944-го...

Итак, отправимся дальше вместе с боевым офицером по

лошадей навешивали седла Грум-Гржимайло, на них выюки — вооружение, снаряжение и пр.

Во время всей этой маяты вдруг поступил приказ провести артподготовку. Немцы в том районе еще до войны укрепления сделали: капониры, полукaponиры — все бетонное. Наша артиллерия была по ним, а из этого укрепрайона немцы нам отвечали. В общем, день был тяжелый.

А на завтра — в Карпаты. Дождь, грязь невозможная. Лошади скользят, не могут выюки тащить — люди помогают. Бесконечный подъем. Снизу, «снаружи» смотришь на эти горы, кажется, не так уж и высоки, но когда движешься по ним... Мы двое суток забирались на перевал, и все время лил дождь.

Там, в горах нашли «цинкachi» с винтовочными патронами, еще с первой мировой войны остались. Распечатали — как новенькие, и стреляли без осечки.

Наконец начался спуск — к городу Кымпулунг. В нем еще были немцы, но мы их оттуда выбили сразу, с марша. Они сдали город, поняв, что удержать его не смогут.

В районе Кымпулунга мы заняли боевые порядки. Тылы от нас отстали, и есть было нечего — жевали какие-то недосушенные сухари, от которых у всех было расстройство желудка. Потом уже подошла пехота, появились продукты, и жить стало легче.

Так мы «погостили» в Румынии.

Потом была Австро-Венгрия, или, как ее еще называют, Трансильвания.

Затем Чехословакия.

Это уже май 1945 года.

В 42-й годовщину Победы...

не просто справиться, раз от него танки горят. В общем, пока с этим огнем боролись, все трое ослепли.

Нас на двуколку — и в санчасть, а оттуда в госпиталь. Для меня это уже третий раз за войну. И последнее, третье ранение — самое обидное, ведь вот она уже, победа...

Мой комвзвод Арзамасцев Алексей Петрович нашел какого-то местного профессора-глазника, и мы с ним из госпиталя поехали к профессору в город Брно. Километров 20 ехали верхом на лошадях до Брно. Я хоть слепой, но на лошади-то хорошо ездил, да товарищ рядом.

Профессор посмотрел на мои глаза и на чистом русском говорит:

— Я вам гарантирую зрение.

Я на седьмом небе!

Профессор отпустил Арзамасцева, сказав ему, что меня оставляет у себя.

И вот через три недели лечения доктор мне:

— Сегодня будем глядеть, — снял с меня повязку. — Открывайте глаза.

— Доктор, я не могу.

— Открывайте!

— А не могу!

Он тогда своими руками мне сам их открыл.

— Что вы видите?

— Вроде, проем оконный вижу...

Через неделю повязку сняли окончательно.

Таким образом, за месяц вернул мне нормальное зрение профессор.

Говорит:

— Вот теперь вы можете пойти в свой госпиталь. Скажете, от кого, они меня знают, я многих ваших вылечил.

В госпитале стал проситься, чтобы выписали. Хотел в свою часть.

Но части своей не нашел, хотя искал по всей Чехословакии. В

Мысковские поэты о войне

И будет жить в сердцах

Значительное событие произошло в культурной жизни города накануне 9 Мая: вышел сборник стихов мысковских поэтов о войне «И будет жить в сердцах Победа». В сборник вошли 43 стихотворения и один рассказ. Свои произведения на суд публики представили восемнадцать авторов.

Кто же они, наши именинники? Это участники Великой Отечественной войны Валентин Павлович Модяев и Виктор Константинович Безруких, известные в городе поэты Виктор Жаданов, Николай Батюк, Сергей Берестов, прозаик Михаил Кривошеин, Светлана Адамсонс, Игорь Шмидт, Василий Копысов, Елена Воробьева, Светлана Гурьянова. Празднику Победы посвятили свои стихи Айна Самедова, Вячеслав Викторович Бобров, Виктор Романенко, Владимир Дмитриевич Попов, Владимир Борисович Преображенский, Анатолий Иванов и Раиса Иосифовна Чумаченко.

Все они стали героями праздника, который состоялся в центральной городской библиотеке 30 апреля. В уютной и в то же время торжественной обстановке собравшиеся поздравили друг друга с выходом книги. Звучали стихи авторов сборника, музыка военных лет. Популярные песни, исполненные на вечер, сразу же подхватывались аудиторией.

Валентин Павлович Модяев счастлив вдвойне. Одновременно с этим сборником библиотекари подготовили к публикации и стихи Валентина Павловича. В сборник «Солдатская память» вошло 18 стихотворений автора, в которых звучит скорбь по погибшим товарищам, гордость за силу и мощь Советской Армии. Его как участника войны пришла поздравить Людмила Павловна Прозорова — секретарь исполнительного комитета Мысковского отделения политической партии «Единая Россия».

Вторая часть праздника проходила в неформальной обстановке за фуршетным столом. Гости, поощряемые аудиторией, то читали стихи разных поэтов, то запекали песни о войне.

«В начале мая 1944-го моя батарея в составе артполка 120-мм минометов готовилась к форсированию реки Прут. Река эта хоть и не слишком большая, но весной полноводная. Однако для наших бойцов, прошедших закалку Днепром, Прут не стал серьезной преградой. Соорудили плот из подручных средств, скрутив бревна и доски кусками проволоки, поставили на него два миномета, положили несколько мин. Переправились нормально. Вернулись и поставили уже три миномета. Тоже нормально. Переправили вооружение - давай грузить повозки, снаряжение, людей. Лошади, переплывшие в свое время Днепр, преодолели Прут вплавь махом.

И вот первый день в Румынии. Точнее, не день, а ясная лунная ночь. Первое румынское село. Хаты четыре рядышком стоят. Говорю своим бойцам: стоп! Здесь остановимся.

Остановились, заняли боевой порядок. На самой высокой хате устроили наблюдательный пункт. Мы со старшиной пошли осмотреть деревушку. Прошли несколько домов - почти ни одной души. Остальное же все на месте, не тронут, как будто за мгновение до нас жители исчезли. Вернулись в расположение батареи. Мне провели телефон в одну из хат, нашли ее хозяина. Он мало-мало по-русски изъяснялся. Оказалось, в первую мировую воевал на нашей стороне. А внучка его, та хорошо по-русски говорила. Ну вот, надо бы спать, а я с ними балакаю. Затрещал телефон, беру трубку, слышу: «Комбат, немцы в расположении!». Второпях схватил вместо своей хозяйскую шапку, папаху какую-то румынскую, - и туда. Прибежал. Докладывают: убит санитар. Попал под обстрел. Немцы из соседней хаты огонь открыли - пуля в грудь... Красивый, здоровенный парень

был. Заряжающий попробовал к этой хате подползти и в кювете... умер. Не ранен, не убит, а именно умер. И такое тоже бывало.

Я распорядился поставить ПТРы, станковый пулемет, в общем, подручные огневые средства. Приказал, как только подам команду, открыть огонь. Командиру отделения разведки Zubovu говорю:

- Ты будешь подбираться к дому с той стороны, где нет окон. Мы дом обстреляем, и ты сразу в дверь вламывайся.

Открыли огонь - там вой начался... Посекло фрицев хорошо - они по обе стороны внутри дома позиции занимали, вот все наши «гостинцы» им и достались. Их там засело человек тридцать.

Оставшиеся в живых - а это были эсэсовцы, мокрые, видимо, недавно Прут переплыли - сдаваться не хотели, понимая, что обречены. Тут такая драка началась - били чем попало и как попало.

Скрутили недобитых, вывели во двор, выстроили. Один говорит: я, мол, радист, буду работать на Сталина. Но у кого-то из бойцов нервы не выдержали, не дал ему договорить - выстрелил в упор. Другой эсэсовец из строя выскочил, попытался удрать, этого я остановил из пистолета.

И еще в одном доме обнаружили немцев. Тем «повезло» больше - всех отправили в плен.

Вот так нас встретила Румыния.

А потом был город Ботошани, кажется. Там наш полк остановился. Нас перевели на горно-вьючную систему - предстояло переходить Карпаты.

Дело для нас новое. Учились вьючить. Поскольку наши кони к этому не привычные и не приспособленные, специально для нас прислали вьючных лошадей - низкорослых, коренастых, копыта стаканчиком... Но их тоже приходилось обучать, чтобы привыкали к нашим вьюкам - ведь, к примеру, один минометный ствол - это больше ста кг. А плита! На

дрови кинометров полота. Ста новились в местечке Хвальковице. Пристрелку провели. А ночью ко мне забегает мой коневод и кричит что есть мочи:

- Комбат, кульминация!

Какая еще кульминация?... Никто ничего поначалу не понял.

- Конец войны!

Тут стрельба началась, шум.

Я на лошадей - и на командный пункт. Там мой товарищ Сидор Константинов кого-то матом кроет за то, что спать не дают. Я ему:

- Подъем, сон отменяется, война кончилась!

- Да я знаю, что кончилась, поэтому и сплю!

Пробыли там сутки, а назавтра приказ - двигаться на город Ждяр. По пути встречали массу немецких солдат - шли сдаваться в плен колоннами.

Но были и другие. По дороге наткнулись на сильную группировку войск немцев. Сдаваться они не намеревались, оказали сопротивление. Пехота от нас отстала, так что давили их артиллерией.

Подросшие огнеметчики пытались поджечь вражеские танки, но пламя до них не долетало. Зато наш наблюдательный пункт огнем накрыло. Загорелся мой связист, потом разведчик. Я кинулся к ним, набросил на них палатку, давай тушить, но с пламенем огнемета

Здесь мы завершаем рассказ комбата... Гражданская, мирная жизнь - это уже другая тема. Но и по этой мирной дороге шел Иван Иосифович достойно звания боевого офицера, и к боевым орденам и медалям добавлялись трудовые награды.

...Давно уже нет в живых супруги Ивана Иосифовича. Старость фронтовика скрашивают сын и дочь, две внучки и две правнучки. Впрочем, заканчивая эти воспоминания, совсем не хочется говорить о старости. Тем более, и в свои без малого 90 лет ветеран находит себе занятие. И. И. Гилев - пчеловод. У сына дом на первом районе, там у старейшины рода ульи - 6 семей. А вообще Иван Иосифович дружит с пчелами с детства, лет с семи. В Каракане до войны держали пасеку, и когда на Востоке служил, пасека у него была. Но это так, к слову...

Подрастающее потомство, любимое занятие и, конечно, память о прошлом. Этим живет сейчас ветеран Великой Отечественной.

Дай Бог Вам здоровья на долгие годы, Иван Иосифович! За все, что Вы сделали для нас, для Родины, низкий Вам поклон!

Подготовил В. БАСОВ.

В Пловдиве стоял артиллерийский корпус, я пошел в штаб, там полковник:

- А вам не надо искать свою часть. Будете служить у нас. Вы не один такой.

Так после войны я попал в 61-ю тяжелую минометную бригаду, где служил начальником разведки дивизиона. Затем снова был командиром батареи.

Мы вернулись в Союз, часть дислоцировалась в г. Шоумяне, на границе Грузии и Армении...

В общем, после войны прослужил я еще три года, до мая 1948-го, и был уволен в запас.

Вернулся в Солтонский район, на родину. Там голод. Люди садили кукурузу и ею питались...

А через год, в 49-м меня как офицера снова призвали в армию. Теперь уже на Восток. И там еще семь лет носил погоны до окончательного увольнения.

В 1958 году мы с товарищем приехали в Мыски на Томь-Усинскую ГРЭС, как раз в год ее пуска. Я как человек военный пошел в военизированную охрану электростанции - дело, вроде как, более знакомое. Был начальником группы, начальником караула, заместителем начальника команды.

В 1981-м ушел на пенсию.»

ная работа его организаторов. Ведущей на вечере была Елена Сергеевна Нейкович - главный библиограф ЦГБ. Оформление зала - дело рук художников-оформителей из городского Центра культуры Т. Т. Сидоровой и Л. Н. Новоселовой. Музыкальное сопровождение обеспечивали педагоги музыкальной школы № 64 А. С. Рехтина, Н. В. Кулебякина, Л. Ф. Попугаева, Т. В. Долганова.

В приподнятом настроении были не только наши авторы и гости праздника. Библиотечные работники довольны, что успели выпустить сборники к великому празднику - 65-летию Победы и благодарны администрации города за финансовую поддержку.

Л. АКСЕНОВА.

«Не властно время над Победой»

Так называлась встреча учеников 4 «В» класса школы № 3 с руководителем театральной группы «Антураж» Василием Ивановичем Копысовым.

Ценой огромных потерь была завоевана советским народом победа. На фронте, в плену и на оккупированной территории погибло более 26 миллионов человек.

Об этом и многом другом рассказывал в своих стихах Василий Иванович, а также поделился с ребятами воспоминаниями о своих родных - фронтовиках, о маме - труженице тыла, которой посвятил стихотворение «Баллада о вспаханном поле»:

«... Хлеб нужен был
для фронта, для победы,
Хоть мы умирали на этой
борозде,
Ну а в деревне женщины
да деды -
Весь, так сказать,
наш трудовой резерв...
... И вот вдвоем с моей
подружкой Клавой
Опередить мы собрались
рассвет:
Вспахать заимку -
было целью главной,
А нам обоим
по пятнадцать лет...»

Продолжили тему дети: в их исполнении прозвучали стихи о Великой Отечественной войне.

НАШ КОРР.